Сын Рима

Как бы Грифон ни пытался втянуть меня в это, я никогда не был членом Розовой Зари. Не по-настоящему. Были определённые обязанности, которые раб просто не мог игнорировать, независимо от того, какое одеяние он носил или в какой компании находился. Несмотря на то, что Грифон был Молодым Аристократом культа, несмотря на то, что его слово являлось вторым во многих отношениях, оно, тем не менее, было вторым.

Я лишь дважды встречался с Дэймоном Этосом. Второй раз был во время обряда посвящения, через который меня протащил его сын, в пещере, где разрезанный труп павшего бога солнца лежал в вечном покое. Когда на ладони трупа расцвёл розовый свет – восходящие солнце – взгляд кириоса переместился с его сына на меня. И хотя в тот момент я ничего не почувствовал моими притупленными железными оковами чувствами, я знал тогда, как знал и с самого начала, что каждый мой вздох в Алом Городе – это вздох, который он позволил мне сделать.

Когда я впервые встретил Дэймона Этоса, мои раны ещё кровоточили, а в ушах всё ещё звенел гром войны.

Он приказал своему капитану и солдатам уйти, а затем и своим братьям. Потом он молча сел, пока я склонился на мраморном полу, терпеливо ожидая. Наступила ночь, взошла луна. Звуки разговоров, сражений и простой жизни проникали через открытую террасу его кабинета. Он не шевелился. Не двигался.

Наконец, когда над восточной горной грядой взошла заря, Тиран Алого Города впервые заговорил со мной.

— Ты потерпел неудачу.

В течение мгновения я не осознавал, что эти слова были произнесены вслух. Они уже несколько часов эхом отдавались в моём сознании.

Тогда, я наконец посмотрел на него, и он смотрел на меня без жалости или презрения. Ничего, кроме ожидания.

Он был ничуть не удивлён.

— Город Рим пал, — продолжал он, не обращая внимания на мой пустой взгляд. — Его легионы рассеяны и мертвы. Ты — всё, что осталось.

Он встал из-за стола и он возвышался. Его рост напоминал громадных Готов западного фронта, только без их громоздкого телосложения и гротескных черт. Он мог бы встретиться лицом к лицу с демонами Карфагена. Обойдя свой стол, он вышел на террасу и посмотрел, как свет разливается по его городу.

— Ваши провинции не будут оплакивать твою кончину, — сказал он мне. — Завоёванные не будут оплакивать завоевателя. Всё, чем ты являешься, всё, что создали твои предки, исчезнет через десятилетие. Ничего не останется. И дети Энея умрут вместе с тобой.

И так я сказал ему мои первые слова.

— Я знаю. Я всё это знаю.

Мои кулаки сжались, не в силах ухватиться за добродетель капитана. Как будто это имело значение. Не имело тогда, не имеет и сейчас. Я всё равно ударил кулаком в пол. Мрамор треснул.

— Твой плащ когда-то был белым, — сказал он, как будто я и не говорил. Грязная тряпка всё ещё чудом держалась за моё плечо, но за время кампании она уже давно окрасилась в землисто-красный цвет от крови и грязи. Тем не менее, она оставалась тем, чем была. Знаком старшего командира Римского легиона.

Я зарычал и сорвал его с плеча.

— Для этого уже слишком поздно. — Он вынес приговор без колебаний. Как бы я ни был слеп к Пневме и добродетели, я всё равно почувствовал, как она опустилась на мою голову, заставив её склониться. — Ты принял эту мантию и подвёл людей, которых она поставила под тебя. От этого никуда не деться.

Приговор Тирана был абсолютным. Кровь брызнула из-за моих стиснутых зубов, запятнав безупречный пол Тирана. Я услышал раскат грома в ушах и увидел, как темнота наползает с краёв, когда я заставил себя поднять глаза. Вверх.

Дэймон Этос развернулся на своей террасе и снова встретился с моими глазами. Ожидающе.

— Я никогда не заслуживал этого, — сказал я, каждое слово было выдавлено на волю, каждый слог усугублял раны, нанесённые мне этими псами. Если бы я продолжил говорить под тяжестью его влияния, я бы умер. — Я подвёл их. Моих людей. Моих наставников. Рим. Я не заслуживаю называть себя легионером, не говоря уже о капитане. Ничего из того, что ты скажешь, не заставит меня ненавидеть тебя больше, чем я ненавижу себя. Ни один твой приговор не может быть таким же жестоким как тот, что я заслуживаю.

Дэймон Этос долго рассматривал меня. Затем он кивнул, и тяжесть его приговора упала с меня. Я снова зарычал и ударил обоими искалеченными кулаками по мрамору.

— Любой человек может стать злым. Это легко. — Две широкие мозолистые руки обхватили мои запястья, крепче и непреклоннее, чем железные кандалы. Кириос поднял меня на ноги. — Но быть злым на правильного человека, в правильной степени, в правильное время, и с правильной целью?

Он надавил без особой силы, и я рухнул на стул. Он прислонился спиной к своему столу, заслонив собой трёх из четырёх воинов, вырезанных на его лицевой стороне.

— Это под силу не каждому, — сказал он мне. — И это нелегко.

Моя сила угасала. Эхо пятого с каждой минутой становилось всё громче. Скоро я присоединюсь к ним.

— Как тебя зовут?

Я пусто уставился на свет на горизонте.

— Солус.

— Последний сын Рима, — размышлял он. — Король соли и пепла. Полагаю, это всё, что осталось. — Кириос щёлкнул пальцами, и в кабинет тут же вошёл человек, терпевший свой возраст с закалённым изяществом.

— Вылечи его, — решил Дэймон Этос, — и заставь работать.

Старик сразу же склонил голову, но затем поднял её и спросил Тирана: «В качестве раба, Дэймон? Ты уверен?»

Позже я узнал этого старика как первого среди слуг Розовой Зари, и самого старого. Но и по сей день я не знаю, как у него хватило наглости задать вопрос Тирану, где все остальные склонили бы головы в подчинение. Более того, я не знаю, почему Тиран позволил ему это. Дэймон Этос не разгневался на дерзость раба. Он лишь отвернулся, отпустив нас обоих и вернулся к управлению Алым Городом.

— Кем бы он ни был раньше, Карфаген отнял это у него. Теперь он – ничто.

Как бы ни старался Грифон приобщить меня к повседневной жизни истинного посвящённого, как бы он ни спонсировал меня через обряды, его слово стояло на втором месте после слова его отца. И Дэймон Этос с самого начала решил, что мне нет места в его владениях.

Я никогда не был равным среди тех, кто искал ответы на вопросы под таинственным светом зари, это было фактом. Но я работал среди них и наблюдал за тем, что они делали.

Люди Греции во многом были именно такими, как описывал мой детский наставник, и во многом даже больше. Более яркими, более академичными, более шумными и свободолюбивыми, более высокомерными и легкомысленными в своих стремлениях. Они были так же чужды мне, как Готы, Бритты и Кельты. Я не знал, что значит быть посвящённым в Греческий культ тайн. Но я знал, с чего начать.

Каменные ступени, высеченные в этом конкретном участке Каукосо Монс, служили полутеатром, на его поверхности толпились мистики культа Бушующего Неба. Мальчики и девочки, мужчины и женщины, они собирались поодиночке или небольшими группами, с планшетами и пустыми рулонами папируса в руках. В их одеяниях присутствовало около дюжины различных оттенков индиго и составляющих его цветов.

У подножия ступеней, на круглой площадке, выступающей над южным склоном горы, читал свои лекции философ.

Он выглядел как молодой человек, широкоплечим и загорелым, только морщинки вокруг глаз и седые волосы на груди выдавали его возраст. Его волосы были всё ещё густыми и темными, а борода – густой и курчавой. Он говорил с грузом лет и уверенностью человека, который знал, что он самый умный в комнате.

Философы, читающие лекции младшим посвящённым, были обычным явлением в Розовой Заре. Это был основной метод продвижения тех, кто был слишком молод и слаб, чтобы бросить вызов своим сверстникам в октагоне или на тропе. Ранние годы были самыми формирующими, и поэтому молодым особенно преподносилось столько идей и знаний, сколько они могли вместить в свою голову.

Слишком часто добродетель, которую человек извлекает из моря своей души, не была делом рук какого-то одного наставника. Это была амальгамация тысячи различных моментов, слов и впечатлений. Это был естественный путь, правильный путь, сказали бы многие.

Это был вопрос, на который я не мог ответить сам.

Темой, обсуждаемой здесь сегодняшним днём, высоко на южном склоне горы, где в изобилии присутствовали неопытные младшие посвящённые, была нумерологией. В частности, пифагореизм. Общеизвестно, что культы тайн свободного Средиземноморья были одними из лучших в мире, и, если верить Грифону и Анастасии, Бушующее Небо превосходили даже их по качеству своих наставников.

Пока я сидел, оперевшись на каменную ступеньку позади меня, и слушал лекцию, я обнаружил, что мне сложно в это поверить.

— В природе существует руководящий принцип, продуманный замысел, который становится очевидным для каждого, кто ищет его, — читал лекцию Философ, подняв руку и указывая двумя пальцами на небо. — Соблюдение этих замыслов позволяет нам заполнить пустые места, которые остались в мире природы. Мы используем числа, чтобы представить концепции, выходящие за рамки традиционного понимания, и тем самым мы прокладываем путь к пониманию нашего будущего. Нечто столь грандиозное, как движение звёзд, невозможно предсказать интуитивно. Но это можно свести к числам. А числа всегда можно предсказать.

Философ провёл свою аудиторию через учебник, который я читал, когда был ещё слишком мал, чтобы ударить человека в челюсть не прыгая. Некоторые из собравшихся посвящённых казались одинаково незаинтересованными, но другие сосредоточенно писали.

Спустя некоторое время Философ перешёл к конкретным примерам, по очереди перебирая пальцы другой руки.

— Прежде чем манипулировать числами, нужно найти смысл в самих числах. Модель души Платона говорит нам, что мы существуем в трёх частях. Мы поднимаемся через четыре смертных царства, и в каждом из них мы занимаем десять рангов. В каждом числе есть смысл, как есть смысл в каждой травинке и каждой песчинке.

Он посмотрел на всех нас с терпеливым ожиданием: «Кто-нибудь, скажите мне значение первого числа, éna».

— Победа, — сказала девушка в темно-бордовом одеянии. Философ склонил голову в знак согласия.

— Ещё одно.

— Выживание, — предложил молодой человек в мягкой фиолетово-синей тунике, но один из его товарищей, сидевший рядом, тут же предложил прямо противоположное.

Философ вмешался, прежде чем спор смог начаться: «Оба ответа одинаково правильные и одинаково недостаточные. Вы все можете предложить разные мнения, и каждое из них содержало бы часть истины, но ни одно не было бы действительно полным, потому что прежде всего éna – это...»

— Единство, — произнёс голос сверху, и все присутствующие мистики повернулись, чтобы посмотреть, как новый прибывший спускается по каменным ступеням. — Один – это начало всех вещей. Оно относится к нумерологии, как нумерология относится к природе. Все аспекты мира можно разложить на числа, а все числа можно разложить на éna.

— Совершенно верно, — сказал Философ, раздражение на прерванное занятие, боролось с видимой симпатией к молодому человеку, спрыгивающему по ступенькам. — Опять пришёл, чтобы украсть у меня моих учеников, Джейсон?

— О, я и не мечтал об этом, — сказал Герой, к тихому разочарованию большинства присутствующих. Он подмигнул группе особенно бойких молодых посвящённых, спрыгивая по ступенькам по три за раз с жуткой грацией, с которой двигались все продвинутые культиваторы. — Я просто подумал, что тебе может понадобиться помощник. Никогда не помешает иметь вторую пару…

Горящие голубые глаза Джейсона встретились с моими, и он запнулся. Пара девочек с цветами в волосах вскрикнули, когда Герой вдвое больше их, споткнулся о них и отправил их на уровень ниже, на колени группы мальчишек.

— Джейсон? — спросил Философ, обеспокоенно поднимая пневму.

— Моя ошибка, — сказал Герой, в следующее мгновение стабилизировав себя и протянув обеим девушкам руки. Он поднял их обратно на свои места и извинился перед обеими, снисходительно улыбаясь их изумлённому выражению лица. — Вообще-то, я думаю, что я буду слушателем в этот раз. Наверное, в последнее время я слишком часто выступаю в роли наставника. Мне ещё многому предстоит научиться, а?

С этими словами он прыгнул обратно вверх по ступенькам. Каким-то образом ему удалось приземлиться в позе непринуждённого лежания, которая покрывала три уровня, словно они были мягкой сидушкой, и занять одно из многих свободных мест в рядах, наиболее удалённых от лектора.

В результате он оказался всего в нескольких футах от меня.

— Что ты здесь делаешь, Сол? — пробормотал он, как только Философ вернулся к своей лекции, а Джейсон отвёл от себя блуждающие глаза мистиков.

— Учусь, — беззаботно ответил я. Джейсон фыркнул.

— Ага, а я – король Египта.

— Далеко от дома, — заметил я. Его губы дёрнулись в сторону ухмылки, но он сдержал её.

— Но серьёзно, — сказал он, — это насчёт той ночи?

Философ жестом указал на свою платформу и сотворил огоньки пламени цвета мёда, вырезая их в воздухе, словно это была глиняная табличка. Он вычерчивал на ветру геометрические фигуры, с точностью обозначая их стороны и разъясняя значения, стоящие за их парами.

— Я приехал сюда ради него, — сказала я, и это было даже правдой. Мне не довелось лично посещать лекции в Розовой Заре, но я увидел достаточно мимоходом и помнил достаточно о моём наставнике, чтобы понять, что они – мой лучший шанс собрать воедино Греческий стиль

культивации.

Я был здесь, чтобы найти своего наставника, и это, прежде всего остального, было правдой. Но я должен был признать возможность того, что я не найду его здесь. Пока я, так или иначе, не узнаю, я должен был использовать моё время здесь наилучшим образом. Я пойду искать его как только узнаю, куда идти. Будь то другой город или другой континент, это будет сделано.

Со своей стороны, огни сердца Джейсона вспыхнули с удвоенной силой за его глазами, а его губы разошлись в понимании.

— Значит, он в сговоре с Алазоном. Я подозревал это, но я должен был догадаться.

Я тихо вздохнул.

— Не делай поспешных выводов, — это всё, что я сказал. Джейсон неуверенно кивнул, глядя на Философа внизу с тщательно скрытым подозрением.

— Конечно, нам придётся играть осторожно. Но если ты прав, и я думаю, что ты прав… мы сможем неопровержимо доказать, что Алазон был замешан той ночью.

Я смирился с этой новой реальностью, нахмурившись от подтекста того, что он только что сказал. В моих размытых воспоминаниях о похоронах я вспомнил молодого человека, отлитого из той же формы, что и Грифон, но выкованного из более низкокачественных материалов. Молодой аристократ, у которого не хватило дерзости, чтобы подкрепить свою наглость. На следующий день Скифас сказал нам с Грифоном, что он был назван соучастником захваченного нами Воро́ны. Ублюдок и сам почти что признался в этом, сбежав вот так.

Но, похоже, он привёл убедительные доводы в свою пользу. Или, что более вероятно, кто-то сделал это за него.

— А что насчёт тебя? — тихо спросил я. Джейсон моргнул, поправил мантию и выглядел слегка смущённым.

— Эти лекции… В зависимости от того, кто их читает, они имеют свойство отклоняться от темы.

Я поднял бровь. Джейсон кашлянул в кулак.

— Посвящённые всё ещё впечатлительны, пока находятся так высоко на горе, — объяснил он. — Всё ещё наивны и ослеплены городом-святилищем и его величественным плато. Многие из них всё ещё едва знают, что такое риторика, не говоря уже о том как защититься от неё.

Мои глаза расширились, когда я понял, к чему он клонит. Я наблюдал, как философ создавал смысл из воздуха, высекал его в воздухе мерцающим пламенем и смотрел, как присутствующие мистики пьют из него, словно из оазиса в пустыне.

В этом был смысл, когда я подумал об этом. Риторика была таким же инструментом, как и любой другой. Философ мог использовать её для убеждения так же легко, как и для объяснения. Если Грифон был прав в храме отца, то противостояние её влиянию могло быть даже вопросом сравнительной культивации.

— Они вербуют детей. — Собирают фракции. Настраивают их друг против друга.

Джейсон кивнул, в его глазах появился мрачный взгляд.

— Это моменты, которые предназначены для новых культиваторов, — тихо сказал он. — Многие из этих посвящённых настолько исключительны, что получили допуск к культу ещё до того, как закрепили свою добродетель. Подобные лекции дают им более широкие основы, на которые они смогут опереться, когда наступит момент. Если они даны с добрыми намерениями.

Опять маневрирование. Мои глаза сузились.

— Значит, ты предлагаешь свою помощь в чтении лекций, как старший по культивации.

— Предложение, от которого невозможно отказаться, — согласился он. — И если я случайно отклонюсь от той или иной темы, кто скажет, что за этим стоит какой-то умысел? — Потому что обвинить его в этом означало бы обвинить себя.

— Плюнуть им в глаза и посмотреть посмеют ли они моргнуть, — сказала я безо всякой особой интонации.

Джейсон мрачно улыбнулся, откинув голову назад и глядя на непрекращающуюся бурю.

— Что я могу сказать? — пробормотал он. — Бросать вызов Тиранам – это добродетель Героев.

Запах жжёного тиса напал на мой нос. Он кружился вокруг Джейсона, отмечая его так же, как и в ночь похорон. Теперь я начал понимать. Воро́ны нацеливались на Олимпийских претендентов, в то время как старейшины боролись за влияние в культе, но это было ещё не всё.

— Где твоя комната? — спросил я его, и Джейсон ответил без колебаний. Слишком доверчивый. Я сглотнул желчь в горле и посмотрел на него с тяжёлым намерением. — Оставайся там ночью. Мы поговорим завтра, на агоре.

Джейсон яростно улыбнулся.

Три Воро́ны пришли ночью за Героем Алебастровых Островов. Каждый из них был меньшим существом по сравнению с великим Героем, но их задачей не было похищение. Сегодня ночью они были ржавыми клинками в темноте.

Если бы они сломались, это не имело бы значение, до тех пор пока они впрыснули свой яд в сердце Героя. Смерть была приемлемым последствием, до тех пор пока она касалась всех сторон. Две Воро́ны прокрались по отделанным лазурными прожилками залам покоев Героя, а третья взобралась по горе к его окну.

Голодные Во́роны набросились на двоих в зале, прежде чем они успели закричать, а третья Воро́на вскарабкалась на край террасы Героя, только чтобы увидеть того ожидающим внутри, голубые глаза горящие в темноте.

Джейсон схватил Воро́ну за горло и затащил того внутрь.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3339237